

ВЕСТНИК

**РОССИЙСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО
НАУЧНОГО ФОНДА**

2011

4 (65)

Бюллетень

Издается с 1995 г.

Выходит 4 раза в год

Комплексное изучение человека. Психология. Педагогика

В.В. Знаков*

Нравственные основания понимания моральной допустимости искусственного прерывания беременности

В статье проанализированы объем и содержание понятий «мораль» и «нравственность». Нравственные основания понимания субъектом искусственного прерывания беременности рассмотрены как частный случай междисциплинарного феномена понимания. Моральная допустимость аборта исследована как фундаментальная экзистенциальная проблема человеческого бытия.

Проблема соотношения морали и нравственности для современной российской психологии имеет первостепенное значение. Пожалуй, главная причина этого заключается в том, что происходящие в нашей стране в последние два десятилетия изменения (форм собственности, национального сознания, правовых норм и т.п.) коренным образом изменяют отношения между людьми. Вследствие этого чрезвычайно актуальными становятся проблемы не только соблюдения моральных норм, но и различий в их понимании разными социальными и этническими группами.

У морали и понимания есть общий базис — долженствование. Мораль как форма общественного сознания включает зафиксированные в нормах обобщенные представления о том, как можно и как нельзя вести себя в обществе. В свою очередь, психологические механизмы понимания неразрывно связаны с долженствованием. Один из двух главных отличительных признаков этого феномена состоит в том, что понимание — это всегда процесс и результат сопоставления существующего с должным (другой признак — выход за непосредственные границы содержания понимаемого и включение его в более широкий контекст личностного знания) [3].

Рассмотрение понимания и морали как долженствования приобретает особенно важное значение в таких экзистенциальных общечеловеческих ситуациях, в которых субъект не может сделать выбор, оцениваемый всеми людьми как однозначно правильный. Типичной в этом отношении является ситуация необходимости принятия решения о моральной допустимости аборта.

Одна цель статьи заключается в том, чтобы рассмотреть нравственные основания понимания субъектом искусственного прерывания беременности как частный случай междисциплинарного феномена понимания. Вторая цель — проанализировать объем и содержание понятий «мораль» и «нравственность». Наконец, третья цель статьи состоит в попытке ответить на

---

* Знаков Виктор Владимирович — доктор психологических наук, главный научный сотрудник Института психологии РАН, руководитель проекта «Понимание мужчинами и женщинами моральной допустимости аборт как проблема психологии человеческого бытия» (10-06-00073а).

вопрос: что такое аборт как фундаментальная экзистенциальная проблема человеческого бытия?

Начну с *первой* проблемы. Анализ понимания в современной науке включает его исследование в рамках когнитивной, герменевтической и экзистенциальной традиций научного познания. По существу, названные исследовательские традиции направлены на изучение трех принципиально различных сфер человеческого бытия, разных ситуаций. Как отмечает А.П.Огурцов, в одних философских дискурсах понимание используется для характеристики познавательной способности субъекта, которая представлена в деятельности рассудка, противопоставляемой деятельности разума. В других пониманием называют процедуры герменевтического истолкования смысла текстов, расшифровки значения языковых и речевых практик и вообще постижение смысла культурных формообразований. Наконец, в третьих дискурсивных контекстах понимание — это специфический способ бытия человека в мире, которое рассматривается как проект, усмотрение возможностей существования, понимающее бытие возможностей [5, с. 279].

Сравнение философских и психологических традиций трактовок понимания обнаруживает хотя и не тождественность, но явное их сходство. В психологии также выявлены *три типа* понимания проблем, методов и результатов исследований — понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение. Типы понимания соответствуют трем сферам человеческого бытия и, соответственно, традициям исследования психики субъекта — когнитивной, герменевтической и экзистенциальной [4].

Понимание-знание возникает у субъекта тогда, когда понимание основано преимущественно на оценках истинности высказываний о фактах, событиях, ситуациях. В некоторых (но далеко не во всех) ситуациях человеческого бытия, которые изучают психологи, люди делают истинные или ложные утверждения. Несомненно, что в общении случаются высказывания, которые можно характеризовать *только* в категориях истинности/ложности. Например: «Невский проспект находится в Москве». Или, если мне кто-нибудь скажет, что у меня по плечу ползет скорпион, то я поверну голову и смогу убедиться в обратном. Истинность или ложность высказываний в таких ситуациях проверяется путем их сопоставления с объективной действительностью: в соответствии с принципом корреспондентности каждое высказывание должно быть эмпирически подкреплено.

Понимание-интерпретация возникает тогда, когда бессмысленно оценивать истинность высказываний, понимаемых людьми в коммуникативных ситуациях. В человеческом мире люди постоянно попадают в ситуации, описания которых невозможно характеризовать как истинные или ложные. Например, мы говорим: «Эта женщина красивая» или «Этот человек добрый». Такие суждения являются мнениями, в которых присутствуют и объективные, и субъективные компоненты. Мнения можно характеризовать только как *правильные* или *неправильные*. В основе квалификации высказывания как правильного лежит согласованное мнение людей о должном, о правилах и нормах поведения. «Правильность» и «неправильность» никогда не бывают абсолютными, они являются результатом согласованного мнения многих

людей. В соответствии с принципом когерентности в герменевтической традиции высказывания о мире человека должны быть непротиворечиво согласованными с ранее установленными теоретическими положениями и эмпирическими утверждениями, относящимися к тому же фрагменту реальности.

Наконец, экзистенциальная традиция исследования психической реальности проявляется в направленности ученых на анализ вариантов порождения опыта, имеющего смысл для субъекта. В современной психологии большое значение уделяется анализу событий и феноменов, которые нельзя понять только на основе рационального знания. К ним относятся пиковые переживания, смысл жизни и смерти, надежда как метаценность человеческого бытия, поведенческие проявления мудрости и т.п. Описания субъектом таких феноменов и самооценки своего понимания уже невозможно характеризовать ни в категориях истинности, ни правильности. Для каждого из нас рассказ о них либо *правдивый*, либо нет. Понимание таких событий и феноменов основывается, главным образом, не на знании или интерпретации, а на *постижении* глубокого смысла фундаментальных проблем человеческого бытия. Постижение характеризуется направленностью на формирование глубинного смысла событий и ситуаций, которые субъект не имеет возможности ясно осознать и вербально описать.

В повседневной жизни постижение далеко не всегда бывает успешным и приводящим к удовлетворяющему субъекта решению. Одной из распространенных экзистенциальных проблем является необходимость срочного принятия решения о прерывании неожиданной и нежелательной беременности. Такая ситуация для женщины или пары оказывается критической. Психологам хорошо известно, что в кризисных ситуациях, особенно связанных с моральными дилеммами, люди становятся более подверженными внешним влияниям. В таких ситуациях субъект начинает меньше доверять своему мнению и способности принять правильное решение. В результате он (она) в большей степени полагается на мнение других, особенно авторитетных лиц. В кризисных ситуациях люди колеблются, меняют свою точку зрения на другую, иногда прямо противоположную. Кроме того, «они часто ощущают усталость, безразличие, безнадежность, несостоятельность, замешательство, тревогу и неспособность к самоорганизации. Именно поэтому они чаще отказываются от своей точки зрения и позволяют решать за себя другим вместо того, чтобы защититься от решений, которые принимаются без учета их интересов» [1, с. 263]. В результате женщины нередко делают аборт, не дав себе времени осознать пробуждающиеся материнские чувства. И только прервав беременность, они понимают, насколько сильно хотели ребенка. Это влечет целый комплекс психологических последствий, называемых «пост-абортным синдромом».

Проблема, сформулированная во *второй цели* статьи, заключается в необходимости различения объема и содержания понятий «мораль» и «нравственность». В большинстве языков, на которых говорят люди в западных странах, например английском, есть слово «мораль», но нет понятия «нравственность» (в русском и немецком они есть и различаются по содержанию). Неудивительно, что в большинстве этических учений нравственность

отождествляется с моралью. В зарубежной психологии морали вопрос о существовании нравственной позиции человека, нравственного поступка, нравственного сознания и т.п. вообще не возникает: западные психологи употребляют такие понятия, как «моральное познание», «моральный поступок» [7], «моральная личность» [15] и др.

В российской психологии существует две доминирующие точки зрения на соотношение морали и нравственности.

Первая наиболее ясно и отчетливо выражена Б.С.Братусем. По его мнению, категория «нравственность» по объему и содержанию шире понятия «мораль». Во-первых, он считает нравственность общечеловеческой, присущей всем людям. Во-вторых, связывает мораль с разными уровнями развития личности — эгоцентрическим, группоцентрическим, социальным (гуманистическим) и духовным (эсхатологическим). Более частное по отношению к нравственности содержание морали проявляется в существовании корпоративной классовой, групповой, партийной морали и т.п. [2].

Вторая точка зрения хотя и не строго логически, но все-таки противоположна первой: мораль — это форма общественного сознания, а о нравственности уместно говорить применительно к конкретному субъекту — как он усваивает известные всем моральные нормы, например десять заповедей. Для многих исследователей очевидно, что нужно различать мораль как форму общественного сознания (систему норм, требований к правилам поведения и межличностных отношений, предъявляемых человеку обществом), и нравственность как характеристику психологической структуры личности (отвергающей или принимающей эти требования, осознающей их необходимость и испытывающей внутреннюю потребность в исполнении моральных норм, следовании им). В операциональном смысле, т.е. по возможности изучать индивидуальные особенности нравственного сознания эта позиция мне представляется более конструктивной и дающей возможность изучения нравственности в психологических исследованиях.

Мораль наряду с правом и обычаями принадлежит к основным типам нормативной регуляции действий человека. Принципы морали не допускают исключений и претендуют на абсолютность. В общении принятый субъектом абсолютизм моральных ценностей проявляется у некоторых людей в предрасположенности к морализированию, т.е. склонности смотреть на мир сквозь призму моральных норм, оценивать вещи как морально «правильные» и «неправильные». Морализирование всегда основывается на доводах типа «правильно» — «неправильно» и обращается к чувству ответственности каждого человека по отношению к другим. Морализирование включает моральные высказывания, категории хорошего и плохого, вины и невиновности. Непокколебимая уверенность в правоте таких правил приводит морализирующего субъекта к чрезмерному осуждению тех, кто не соглашается с ним. Морализаторы одновременно и слишком уверены, и слишком резки в своих суждениях о других [12].

Предрасположенность к морализированию может быть выражена в поведении не только отдельного человека, но и больших социальных групп и даже государств. В частности, после теракта 11 сентября 2001 г. США

стали «морализирующей нацией» [11]. Дискурс морализирования стал в американских СМИ повседневным: это проявилось в росте выступлений против разводов, наркотиков, проституции, геев. Заметное место в политических дискуссиях, газетных и научных публикациях заняла проблема абортов. В это время в Соединенных Штатах явно усилилась тенденция смотреть на мир посредством моральных критериев, что стало особенно очевидным на президентских выборах 2004 г. Во многих газетах тогда писали, что Буш победил, главным образом, благодаря апелляции к моральным ценностям [14].

Морализация нередко оказывается проявлением мнимого, основанного на обращении к шаблонным мировоззренческим схемам, а не подлинного решения моральных дилемм. Особенно часто это проявляется при обсуждении вопросов, связанных с лишением человека жизни, — ситуаций эвтаназии, досудебного уничтожения террористов, смертной казни, моральной допустимости абортов. Искусственное прерывание жизни является фундаментальной проблемой человеческого бытия. Ее экзистенциальная значимость для каждого человека проявляется, в частности, в том, что отношение к абортам включено в мировоззрение, систему взглядов на мир и себя в мире.

Одной из важных составляющих мировоззрения является религиозная. Индивидуальная религиозность — значимый предиктор отношения к абортam [10]. Разногласия и споры о моральных аспектах проблемы в современном мире приводят к возрастанию роли религии в формировании отношения к абортam. Религиозная позиция усиливается данными об отрицательных корреляциях между пониманием-принятием абортов и идентификацией себя как верующего человека, принадлежностью к традиционной церкви, регулярностью посещения церковных богослужений, личной включенностью в разнообразную религиозную активность [17].

Наличие или отсутствие в мировоззрении субъекта религиозной веры оказывает очень значительное влияние на характер, специфику понимания и решения им многих моральных дилемм. При этом следует признать, что, с психологической точки зрения, верующие люди нередко оказываются в более «выгодном» положении, чем неверующие: они лишены мучительных нравственных размышлений и сомнений, присущих атеистам. Типичным примером является вопрос о моральной допустимости абортов. Применительно к этой проблеме можно сказать, что для искренне верующего христианина никакой моральной дилеммы здесь нет, потому что у задачи есть только одно решение: женщина не имеет права прерывать беременность, это вообще не полномочия человека — любая жизнь дана Богом. Однако категорическое отрицание аргументов в защиту абортов приводит к обеднению нравственного сознания субъекта, на поведенческом уровне проявляющемся в предрасположенности к морализированию.

Как известно из западной психологии морали [16] и отечественной психологии нравственности [6], должное и фактически принятое в обществе, т.е. общепринятые моральные нормы, с одной стороны, и нравственные представления и поведение людей, с другой стороны, могут расходиться. С этической точки зрения, некоторые человеческие поступки

(обман, безответственность, беспринципность и др.) являются не чем иным, как моральными проступками. Между тем всем известно, что в жизни такие проступки совершаются довольно часто, они составляют неотъемлемую часть психологической реальности — нравственного сознания и поведения очень многих людей. Субъект может нарушать моральные нормы, не понимая, в чем состоит его моральный долг перед другими людьми, или понимая, но подыскивая для себя убедительные, по его мнению, психологические оправдания проступка. Вследствие этого моральный проступок нельзя отождествлять с нравственным проступком: о последнем речь может идти только в том случае, если человек осознает свою вину и раскаивается в содеянном.

Таким образом, когда я говорю о моральных основаниях обсуждения такой экзистенциальной проблемы, как искусственное прерывание беременности, то имею в виду нормативные представления, существующие в общественном сознании и регулирующие поведение очень многих членов общества. Нравственные основания понимания ситуации аборта включают в себя принятие человеком одних моральных норм и отвержение других. Кроме того, нравственность субъекта неразрывно связана с его мировоззрением и индивидуальными свойствами личности.

Третий вопрос, на который надо ответить в соответствии с целью статьи: что такое аборт как фундаментальная экзистенциальная проблема человеческого бытия? На него невозможно ответить без рассмотрения другого вопроса: какие психологические и мировоззренческие особенности людей определяют различия в понимании ими моральной допустимости или, наоборот, недопустимости абортов?

Определение понятия «моральной допустимости» искусственного прерывания беременности в современной науке является одной из важнейших проблем психологических исследований абортов. В этой проблеме выделяется два главных аспекта: совокупность представлений людей о начале жизни [9] и о моральном статусе плода [13]. Одни считают началом жизни момент зачатия или достижения плодом определенного уровня развития, а аборт приравнивают к убийству человека. Другие полагают, что аборт нельзя рассматривать как убийство, потому что плод до рождения не является человеческим существом и не обладает правами, не имеет морального статуса.

Суждения о моральной допустимости или недопустимости аборта содержат ответы на два главных вопроса. Первый: можно ли считать, что с момента зачатия зародыш является человеческим существом? Положительный ответ на этот вопрос означает, что целью аборта является убийство существа, уже имеющего право на жизнь и соответственно моральный статус. Второй вопрос: имеет ли беременная женщина исключительное право контроля над своим телом? Иначе говоря, может ли она только по своему усмотрению делать аборт, рассматривая его как удаление кусочка ткани из организма, подобно тому, как поступают все люди, подстригая ногти и волосы? В этом случае положительный ответ основан на убеждении в том, что плод можно считать человеком, имеющим право на жизнь, только тогда, когда он превращается в ребенка, живущего вне организма матери.

Многочисленные психологические исследования говорят о том, что ответы на указанные вопросы, в которых отражается отношение людей к абортам, зависят от их пола, возраста, личностных особенностей, религиозных убеждений, представлений о моменте зарождения жизни человека и многого другого.

С.К.Крейг с соавторами рассматривает два аргумента и утверждает, что, обсуждая возможность аборта, мы попадаем в амбивалентное, неоднозначное положение. С одной стороны, отвергающие такую возможность говорят о геноциде против нерожденного ребенка. С другой — сторонники прав человека сразу же вспоминают о нарушении прав женщины, которые завоёвывались в течение десятилетий [8].

М.О.Литтл, отстаивающая моральную допустимость аборта на ранних сроках беременности, пытается смягчить или даже обесценить первый аргумент. Она считает, что моральный выбор должен оцениваться не только с точки зрения решения прервать жизнь, но и продолжить ее. Нужно проанализировать, является ли аборт активным прекращением жизни, т.е., по существу, убийством, или представляет собой лишь отказ в продолжении снабжения неавтономного плода всем необходимым для жизни (пассивное прекращение жизни). Аргументируя допустимость аборт, она приводит такой пример. По улице идет человек, и вы наносите ему сильный удар. В этом случае вы вмешиваетесь в траекторию, которой прохожий следовал независимо от вас. Тем самым вы отнимаете у человека то будущее, которое наступило бы, если бы не последовало ваше действие. Прерывая беременность, однако, вы отнимаете нечто, что и не появилось бы без вашей помощи. Переставая оказывать эту помощь, вы не нарушаете права на жизнь [13].

Другой аргумент апеллирует к правам человека: женщина имеет право распоряжаться своим телом и, следовательно, обладает свободой выбора. Однако «идея беспрекословной “свободы выбора” при принятии решения об аборте является очень опасной. Она основана на образе идеальной женщины, которая обладает всей необходимой информацией, независима и эмоционально устойчива. Такую женщину невозможно встретить в реальной жизни. На самом деле большинство женщин не имеют достаточной информации о том, какой вред может нанести аборт их душевному и физическому здоровью. Более того, многие женщины не являются по-настоящему “свободными”. Напротив, они эмоционально зависимы от родителей, любовников, мужей, психиатров, работодателей и многих других людей и легко поддаются их влиянию. Иногда решение сделать аборт намного больше соответствует интересам окружающих, нежели желанию самой женщины. И, наконец, многие женщины, принимающие решение об аборте, недостаточно эмоционально устойчивы и из-за этого склонны к спешным, непродуманным и губительным решениям» [1, с. 260–261].

В контексте обсуждаемых в статье проблем безусловное достоинство приведенной цитаты состоит, во-первых, в том, что из нее явно следует, что ситуацию аборта невозможно понять по типу понимания-знания или понимания-интерпретации; единственно возможный вариант — понимание-постижение. И, во-вторых, в ней перечислен обширный перечень психологических качеств, в совокупности образующих нравственное сознание

субъекта, принимающего решение о прекращении или продлении беременности.

Итак, нравственные основания понимания моральной допустимости абортов следует искать как в представлениях и нормах общественного сознания, так и в психологическом своеобразии понимающего эту проблему субъекта.

Литература

1. Бёрк Т., Риардон Д. Запрещенные слезы: О чем не рассказывают женщины после аборта. СПб.: Каламос, 2010.
2. Брагусь Б.С. К проблеме нравственного сознания в культуре уходящего века // Вопросы психологии. 1993. № 1. С. 6–13.
3. Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
4. Знаков В.В. Три традиции психологических исследований — три типа понимания // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 4–13.
5. Огурцов А.П. Понимание // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С.Степин, зам. предс.: А.А.Гусейнов, Г.Ю.Семигин; уч. секр. А.П.Огурцов. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 279–283.
6. Психология нравственности / Отв. ред. А.Л.Журавлев, А.В.Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
7. Blasi A. Bridging moral cognition and moral action: A critical review of literature // Psychological Bulletin. 1980. Vol. 88. № 1. P. 1–45.
8. Craig S.C., Kane J.G., Martinez M.D. Sometimes you feel like a nut, sometimes you don't: Citizens' ambivalence about abortion // Political Psychology. 2002. Vol. 23. № 2. P. 285–301.
9. Hess J.A., Rueb J.D. Attitudes toward abortion, religion, and party affiliation among college students // Current Psychol.: Developmental. Learning. Personality. Social. 2005. Vol. 24. № 1. P. 24–42.
10. Ho R., Penney R.K. Euthanasia and abortion: Personality correlates for the decision to terminate life // Journal of Soc. Psychology. 2001. Vol. 132. № 1. P. 77–86.
11. Janoff-Bulman R., Sheikh S. From National Trauma to Moralizing Nation // Basic and Applied Social Psychology. 2006. Vol. 28. № 4. P. 325–332.
12. Keenan A. Generating a virtuous circle: Democratic identity, moralism, and the languages of political responsibility // The politics of moralizing / Ed. by Bennett J., M.J.Shapiro. New York: Routledge, 2002. P. 27–61.
13. Little M.O. The Moral Permissibility of Abortion // Contemporary Debates in Applied Ethics / Ed. by Cohen A.I., Wellman C.H. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2005. P. 27–39.
14. Lovett B.J., Jordan A.H. Moral values, Moralism, and the 2004 Presidential Election // Analyses of Social Issues and Public Policy. 2005. Vol. 5. № 1. P. 165–175.
15. Montada L., Dalbert C., Reichle B., Schmitt M. Urteile uber Gerechtigkeit, «existentielle Schuld» und Strategien der Schuldabwahr // Moralische Zugänge zum

Menschen — Zugänge zum moralischen Menschen / Hrsg von F.Oser, W.Althof, D.Garz. München: Peter Kindt Verlag, 1986. S. 205–225.

16. Nucci L. Morality and the personal sphere of actions // Values and knowledge / Ed. by E.Reed, E.Turiel, T.Brown. Hillsdale, NJ.: Lawrence Erlbaum, 1996. P. 41–60.

17. Woodrum E., Davison B.L. Reexamination of religious influences on abortion attitudes // Review of Religious Research. 1992. Vol. 33. № 3. P. 229–243.